

МАРИЯ УРИХ-ЦАШЛИНА

Один солнечный День

МАРТУСА

Мария Урих-Чащина

Маруся. Один солнечный день

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57190473

ISBN 9785005123183

Аннотация

Из чего только сделаны девочки? Эти – из сладостей всевозможных, те – из рогаток и прыгалок, а некоторые из страхов и одиночества. Наша же Маруся не умеет долго грустить, не ест сладкого и предпочитает червяков прыгалкам. А ещё она вся состоит из сказок. Сказки окружают её днём, снятся ей по ночам и заполняют собой всё её свободное время. Маруся – озорная маленькая девочка, которая однажды осталась совершенно одна на залитой солнцем и горем планете.

Содержание

21 августа. Один летний день	5
Знакомство	5
Ночь	11
Девочка	11
Тутовник	14
Раннее – раннее утро	18
Девочка	18
Тутовник	34
Девочка с мамой	36
Тутовник	46
Раннее утро. Позже	49
Девочка	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Маруся

Один солнечный день

Мария Урих-Чащина

Иллюстратор Елизавета Чащина

Иллюстратор Илья Чащин

Иллюстратор Иван Чащин

Иллюстратор Ева Вашкинель

Иллюстратор Наталья Горохова

Дизайнер обложки Мария Урих-Чащина

© Мария Урих-Чащина, 2020

© Елизавета Чащина, иллюстрации, 2020

© Илья Чащин, иллюстрации, 2020

© Иван Чащин, иллюстрации, 2020

© Ева Вашкинель, иллюстрации, 2020

© Наталья Горохова, иллюстрации, 2020

© Мария Урих-Чащина, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-2318-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

21 августа. Один летний день

Знакомство

Солнечный свет заливает весь небосклон. Насыщает вкус нового дня терпкими лимонными нотками. Разливается, полнится лучами, силой, теплом. Наполняет колодец нового утра ласковым тягучим золотом. Расплёскивает брызги света по всей поверхности небосклона – ещё тонкого, словно кисея, пока белёсого, как паутина. Но скоро, совсем скоро, яркая синь выместит белый туман. Быстро, дерзко, окончательно. И тогда, окружённое этой насыщенной синевой, солнце запылает сильно и жарко.

Стоит Маруся на улице, прямо посреди внутреннего овального дворика. Запрокинула лицо к солнцу, ловит его лучи курносый носом, отчего он тут же покрывается россыпью мелких веснушек. Летние гости. Временное явление. Поднимает Маруся в небо руки, протягивает их к солнцу. Раскрывает ладони – ловит лучики, греет пальчики. Маруся так любит солнце, что готова съесть его. Ну, или хотя бы лизнуть! Высунула язык – а вдруг сегодня удастся дотянуться. Девочки же быстро растут!

Но – нет! Сегодня пока не доросла до солнышка – не достать его. А самой смешно! Словно увидела себя со сторо-

ны – девочку, которая стоит посреди двора в красивом платье, с высунутым, зачем-то, языком!

Марусе подарили нарядное, жёлтое платье: рукава – фонарики, кружева – по вороту, а юбка – ах! – солнце клёш! Прелесть, а не платье! Маруся чувствует себя солнечным лучиком. Вертится, кружится, юбка – солнцем, голова – кругом! Конечно, пока, Маруся – маленький лучик. Но годы идут. Бегут, летят! Превратится девочка в яркое и ясное солнышко. Маруся, тебя ждёт долгая, счастливая, интересная жизнь. Правда, будет одна печаль в твоей жизни. Она же – радость! Она же – страсть! Будешь ты всю свою жизнь куда-то брести. Долго шагать. Куда-то бежать. Искать свой настоящий дом, свой горящий тёплым огнём очаг.

А всё эта бабка! Ух, противная старушенция! Ведьма из Черногории! Появилась непрощенной гостьей в Марусином роду. И оставила после себя не только память и не просто след, а самую настоящую рану! Колото-резаную, до сих пор кровоточащую. Весь род ощущает на себе, и по сей день, это её проклятие. Давняя история...

Марусин прадед украл из дома ведьмину дочь, красавицу Марию. В честь неё и назовут потом нашу Марусю. Да ведьмой-то Радмила была вполне себе мирной. Никого не трогала. Бородавки сводила, да по морщинам на лбу будущее предсказать могла. Но зареклась колдовать давно! Муж хороший, дети здоровые, умные. Живи да радуйся! Сетовала только, что Бог им девочку не даёт. Вот тогда только и на-

рушила в первый раз обещание не колдовать. Уж очень ей дочку хотелось! Умницу, помощницу. Знания свои передать — как ворожить, что готовить, когда ткать, да шить. Ничего не сказала мужу, пошла в поле, поговорила с ветром. Затем отправилась к воде, зашла по пояс, закрыла глаза, пошевелила губами, привораживая, наколдовывая. Потом к дереву — прижалась плотно к нему, всем телом — просила да уговаривала. Напоследок, легла на землю, животом вниз, сгребла рукой ком сырой, чёрной, плодородной земли, пошептала да и положила себе под живот, пониже, туда, где завяжется плод. Ночью к мужу пришла...

Получилось, сбылось. На двадцатую годовщину их свадьбы, поздней весной — уже пышной, зелёной и ароматной, подарила она мужу девочку. Хрупкую, фарфоровую. Нежную, но и крепенькую. С ямочками на щёчках. Отец от счастья чуть с ума не сошёл. Одиннадцать братьев пылинки сдували с маленькой сестрички. Да и сама Радмила наглядеться на доченьку не могла. Мария выросла красавицей. Влюблённые юноши — потенциальные женихи топтались у ворот дома, надеясь на взаимность. Мария могла себе позволить покапризничать. Правда, недолго. Время — то шло. Отец состарился. Хотел успеть внуков покачать. Все юноши — как на подбор — красавцы, удальцы, да и семьи зажиточные.

Как уж Марусин прадед оказался в Черногории, в ходе какой политической оказии его забросило в те края — факты совсем не для этой истории. Но вот, неприятность! Для

семьи Марии, конечно. Приглянулась ему хорошенькая, да что уж там, невероятно красивая, девушка, полоскавшая белё в реке, к которой он подвёл коня напиться. Недолго думая, или не размышляя вовсе, схватил Иван понравившуюся девушку, посадил на коня, обнял крепко и ну драпать на восток – всё дальше и дальше от дома красавицы. Мария, кстати, уставшая от бесконечной опеки родни и осоловевших от любви юношей, не сильно-то и сопротивлялась такому непредвиденному повороту своего жизненного пути.

Но ведьма! Несчастливая, убитая горем мать, лишившаяся единственной дочери и последней надежды на улучшение финансового положения, тщетно прождав год, что дочь вернётся, прокляла всех! Всех женщин того рода, частью которого так внезапно оказалась и её девочка. Наложила на бедняжек мощнейшее заклятие на скитание на добрую сотню лет. Во второй раз нарушила обещание, данное матери, мужу и Богу – не колдовать. Но осерчала же, ох, как осерчала...

Почему она не прокляла мужчин? Виновен же был именно мужчина! Он украл, увёз, затуманил голову невинной девочке! Кто ж её знает, Радмилу? Возможно потому, что была матерью ещё и одиннадцати сыновей! Рука не поднялась! Или потому, что через год, вдруг получила от дочери письмо, что та ждёт дитя и счастлива с мужем, наперекор материным страданиям! Кто сейчас скажет, кто ответит на тот вопрос?

Заведомо известно только одно: не могли женщины этой семьи осесть в одном месте! Всё их тянуло куда-то, за-

чем-то... Кочевали они, переезжали с места на место, находились в постоянном движении и поиске – меняли города, страны, континенты. А как мучились! Как горевали! Но и одновременно, как желали этого! Боролись, как могли, с этой своей невезучестью. Строили дома, заводили семьи, рожали детей, обзаводились хозяйством – чтобы осесть плотно, основательно. Но, питая непреодолимую страсть к новому, неизведанному, и гонимые суетным ветром перемен, надежд, обстоятельств и чар вредной старухи, шли всё дальше и дальше от дома. Стремясь сменить пейзаж за окном, шли – кто на запад, кто на восток – в поисках счастья.

Как им остановить эту круговерть? Эту карусель кочевой

жизни? Эту вечную смену лиц, стен, сцен? Кто, а главное, когда поможет им – ни в чём не повинным, хрупким и прекрасным женщинам – остановиться, осесть и начать жить здесь и сейчас?

Но Марусе пока неведом горький вкус и заполошный бег переездов. Её мать, перенявшая дар черногорской ведьмы, сумела, вцепившись зубами, в растаявший хребтом, ввязав себя и дочь в кирпично-лазурный узор и виноградную лозу Азии, остаться в доме, окружённом таким уютным двориком. В доме, в котором вся мебель сколочена заботливыми руками Марусино прадеда, а почти все деревья во дворе посажены Марусиным дедом, она чувствует себя как в сказке – хорошо, безопасно и очень уютно.

Маруся – самая обычная девочка. Как многие девочки, любит сладости и цветочки. Как некоторые девочки, любит залезть на высокое дерево, на самую тонкую ветку, за самым вкусным тутовником. Как редкие девочки, обожает играть и фантазировать на крыше сарая или гаража, спасая мир от контрабандистов. Но которая однажды осталась одна на залитой солнцем и горем планете.

Мы проведём с ней вместе один летний солнечный день...

Ночь

Девочка

Камушки, опять снились чёрные камушки, через которые всё время приходилось перепрыгивать. Они меня везде находят. Куда ни ступлю – камушки. Чёрные, остренькие, как будто даже живые. Страшно. Наступать на них нельзя! Ни за что! Откуда-то я это знаю. Камушки будто двигаются, стараясь оказаться поближе к моим ногам. Кажется, сейчас вопьются мне в ногу. И кричи – не кричи, никто не услышит.

Я здесь одна. Совсем. Мне кажется, я как Маленький Принц, живу одна-одинёшенька на планете. Хорошо, что это был всего лишь сон. Но сердце из-за него чуть не выскочило от страха. А на улице совсем темно. И в комнате темень. Я подношу палец близко-близко к глазам и не могу его разглядеть. Нужно снова строить высокий забор из одеяла и подушки. Не высовывать ни пальчика, ни коленки, ни волоска – ничего. Оставить только маленькое отверстие для носа, только чтобы дышать. Под одеялом очень быстро заканчивается воздух. Жаль! Можно было бы спрятаться с головой, закрутиться в плотный узел, прижаться всем телом к спинке дивана. И тогда, очень может быть, что монстры не пройдут, не достанут меня.

Из-за ночного цепкого ужаса рубашка стала мокрой – прилипла к телу. Она ужасно неудобная. Поднимается вверх, скручивается почти у шеи плотным кольцом. Кажется, вот-вот задушит. Кто придумал ночные рубашки для сна? Зачем я должна её носить? Нужно бы переодеться.

Почему не горит моя яркая лампа с рыбками. Каждую ночь она оказывается выключенной. Что ж такое происходит? В такие вот опасные моменты, когда самые гадкие и пугающие бродят здесь сны, мне хочется, чтобы лампа горела. Но нет! Открываю глаза – темно. Ни лучика, ни искорки. Иногда приходит спасительная мысль: надо слезть с кровати и пойти, поискать кого-нибудь. Но вдруг и там камушки? Вдруг они приползли или проклюнулись прямо сквозь пол моего дома и теперь везде: в кухне, ванной, гостиной? Что делать?

Спрыгну с кровати, подальше от опасности – под кроватью может легко поместится длинный монстр. Чудовище захочет тонкой рукой схватить меня за ногу. Я должна быть легче и быстрее его руки, чтобы успеть отскочить в сторону. Поэтому, перед тем, как спрыгнуть, я забираюсь повыше на кровать, на тот валик, что у меня в ногах, и прыгаю как можно дальше на пол. В темноте делать это всегда сложнее. Правда, мне повезло и не повезло сегодня ночью. Повезло потому, что луна заглядывает в комнату, освещает пол и часть стены. Не повезло потому, что луна – жуткая! Запавшие глаза и нос, как у скелета. А щёки круглые, толстые, как

у колобка.

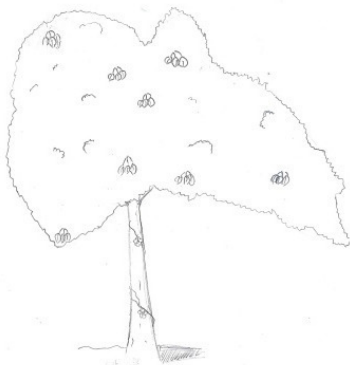

Но на окне моём толстенная решётка. Луна, даже если очень сильно захочет, не поместится. Просто раззявит свой страшный рот, выпучит слепые глаза и будет злиться. Пусть злится! От этого её свет ярче, а значит, я смогу быстренько выбежать из своей комнаты. Дверь, как назло, закрыта. Большая, тяжёлая дверь долго не желает открываться – не хочет выпускать меня из своей жуткой норы.

Нужно поискать отважного человека, который меня защитит от монстров. У меня есть один такой. Он высокий, сильный. Часто катает меня на плечах. В серых глазах живут такие смешинки, что сразу перестаёт быть страшно. Делается весело и смешно. Мы придумываем разные игры, строим замки, поём песни. Только бы дойти до него. Только бы дойти!

Тутовник

Я, господин хороший, был когда-то отчаянным юнцом, глупым и бесшабашным. Вам-то в это трудно поверить. Не так ли? Понимаю! Я, сударь, ведь не просто здесь стою. А и делом помогаю, и совет могу дельный дать, и помолчать могу, мне не сложно. Помолчать – иногда нужнее бывает. Главное, с правильным собеседником. С тем, кто переживает о том же самом. Бывало, посидит подле меня человек, помолчит, заглянет внутрь себя, да успокоится немного. Наладит струнки души на новый лад, да и дальше пойдёт.

Вы, милый мой, про свою молодость вспомнили. А я про свою вам расскажу. Вы не против? Вот и славно! Мне ж, старику, тоже охота поделиться с кем-нибудь. Был я когда-то молод. По неопытности раскидывал ветки в разные стороны – ни порядка, ни опрятности в моём облике не было. Любил проказы, поэтому ветками своими старался дотянуться до соседок-вишенок. Уж больно хорошенькие! А дотянувшись, с присущим юношам озорством, тянул их за тонкие веточки или нежные листочки. Они смущённо шелестели: «Шалун!» Я им, смеясь, отвечал: «Тише, милашки! Хотите

историю? Расскажу...»

Мы были юны и задорны! Нам было весело! Напротив вишенки, чуть поодаль от меня, росла такая же шкодливая и весёлая черешня. До неё я не мог дотянуться даже самой длинной своей веткой. Зато, часто, когда созревали наши ягоды, а происходило это почти одновременно, мы кидались ими друг в друга. Внезапно образовавшейся между нами кучей из смешанных наших ягод, мы приводили людей в полное недоумение и замешательство! Впрочем, они всё списывали на разгулявшийся ветер. А мы... Мы не только веселились, но и горевали, что шалости наши и проказы – единственное общение, нам доступное. Как бы я хотел обнять мою милую возлюбленную – красивую, статную, с пышными цветами, покрывавшими каждую веточку. Черешня уже выглядела, словно невеста – прекрасная, но скромная. А я, чучело безобразное, и надеяться не смел на взаимность.

Потом появился Марусин прадед Адам. Он споро взялся за дело, будто всю жизнь только тем и занимался, что наводил марафет на разных дикарей. Превратил меня в писаного красавца – подстриг, побелил, подкормил. Теперь я более не напоминал дикий и запущенный кустарник. Я стал настоящим деревом. Заметил и интерес, появившийся в тёмных, с поволокой, глазах моей Черешенки. Раньше-то я был для неё соседским мальчишкой, рубаха-парнем, но никак не кавалером. Эх, как бы Адаму рассказать, думал я тогда, чтобы он пересадил ко мне Черешенку? Рядом с ней места мало-

то. Я не помешусь. Окреп, поздоровел. Всё, благодаря Адаму. А вот со мною рядом места достаточно двум одиноким сердцам!

Кстати, про Адама – интересно. Он ведь часовщик. Всю жизнь копался в тонких механизмах, умел к ним прислушаться, да понять что к чему. Очередь из желающих починить свои гласхютты, омеги и буре выстраивалась до самых до ворот. Но, шептались люди, Адам того стоил – вылечивал любой механизм. Может и ко мне прислушается?

Раннее – раннее утро

Девочка

Проснулась сегодня рано. Солнечный лучик, единственный, но тёплый и сильный, упал на подушку. Прошёлся по ней важно, неторопливо. Подумал, что я не вижу его. Но ведь я уже проснулась. Только ресницы позволяют мне подглядывать за ним. Какой смешной! Он будто не может меня найти: ходит по подушке, бродит, ищет: перескакивает со складки на складку, золотит высунувшиеся из подушки перья, прыгает, подрагивает, крутится. Обещает мне тёплый день. Я люблю тепло. Даже жару люблю. А еще люблю смотреть на солнце через специальное чёрное стёклышко. Тогда солнце превращается просто в оранжевый круг. И глазкам не больно. А иногда я смотрю на него через толстое зелёное или синее стекло и тогда солнышко меняется: зеленеет, синееет или краснеет, будто стесняется.

Я люблю солнышко, мы дружим. Оно бережно касается моих рук и лица. Не жётся. И я готова лечь на тёплую землю и, словно змея или кошка, греться под его лучами.

Наконец, лучик нашёл меня и залез мне на нос. Стало щекотно, я громко чихнула. Потом еще раз. И еще!

– Прекрати меня щекотать, солнышко! – прошу я, сме-

ась. – Я уже встаю!

Мама уже приготовила завтрак. Яичница мне напомнила утреннее солнце. Оно иногда такое же жёлтое и мягкое на ощупь. Но это днём, когда жарко. Утром же солнышко напоминает мамин домашний сыр. Мама готовит этот сыр сама, кладёт его в синюю пиалу¹ и делает глазки и ротик из маленьких гвоздичек. Тогда сыр становится похож на доброе солнышко. По утрам оно не горячее и такое же нежное, как то, что в пиале. Когда я съедаю сыр, мне кажется, что солнышко поделилось со мной своим вкусным лучиком и я стала сразу же сильнее и здоровее!

Я очень хочу выздороветь, чтобы снова есть конфеты и шоколад. Пока мне доктор запрещает сладости и это ужасно грустно. Вот, например, далеко от нашего дома, на базаре продаётся очень красивый, прозрачный, похожий на драгоценность, кристалл. Это нават². Когда мы с мамой идём по базару, выбирая яблоки и мамины любимые груши, я ищу глазами кристаллы. Мама не разрешает их покупать. Но я знаю, что если подойти к прилавку и долго стоять перед ним, делая вид, что тебе ничего не надо, стоять и изучать солнечного цвета кристаллы, продавец угостит. Протянет маленький кусочек в большой, коричневой ладони, изрезанной линиями. Я оглянусь на маму, покачаю головой: мол, нельзя.

---

¹ Пиала-расширяющаяся кверху чашка без ручек.

² Нават-среднеазиатская сладость; сахар в виде крупных кристаллов, который готовят из виноградного сока.

А продавец-дедушка скажет тихим ласковым голосом:

– Бери, кизим³, мама не будет ругать! Это полезный сахар!

К этому дедушке я подхожу всякий раз, как оказываюсь с мамой на базаре. Он добрый! Я представляю, что это мой дедушка. И тогда не стесняюсь – могу ему даже улыбнуться. И обязательно говорю «Рахмат!⁴», после того, как возьму кристаллик.

Наш путь на базар – это всегда такое замечательное приключение! Мы с мамой долго, очень долго едем в жарком трясучем автобусе. Он вихляет своим большим пузом, подпрыгивает на каждой кочке и, кажется, вот-вот выплюнет нас из окна. Поэтому мы крепко держимся за сиденья. Мама всегда становится белой-белой. Даже пальцы у неё белеют. Говорит, что страшно. Надо же! Я думала, мамы не должны бояться! Совсем! Ведь если мамы будут бояться, то, как же они смогут защитить нас, своих детей?

А мне нравится! Этот автобус, как вагончик на быстрой карусели в парке. Так же резко поворачивает, так же заваливается на поворотах, так же визжит, когда останавливается. Я уверена, всем детям, как и мне, очень нравится такая поездка!

---

³ Кизим- (узб.) дочка.

⁴ Рахмат- (узб.) спасибо.

Потом мы выходим из автобуса и проходим дорожками старого города. Дорожки сделаны из огромных, круглых, как пузыри, гладких камней, которые наполовину спрятались в землю. А может они растут оттуда? Растут очень медленно, но когда-нибудь вырастут и превратятся в гигантские валуны, по которым невозможно будет ходить. Да и сейчас, честно говоря, ходить по ним совершенно неудобно. Моя нога проваливается в ямки меж камней. Мне трудно идти. Но, конечно же, я придумала решение! У меня под ногами мелкая речка. Она почти совсем высохла под жарким летним солнцем. Но камушки остались. Им некуда спрятаться. Я прыгаю с камушка на камушек, стараясь не проваливаться, чтобы

не намочить сандалии.

Хорошо, думаю я всегда, что среди этих круглобоких камней нет тех чёрных камушков с остреньким кончиком, что так пугают меня. Эти же камни похожи на толстых довольных бегемотов, греющихся на тёплом утреннем солнышке. Кто-то случайно покрасил их в разные цвета: вот лежит серый бегемот в белую полосу, а вот выстроились в ряд розовые нарядные бегемоты. Их спины покрыты бордовыми пятнышками. Вот совершенно белый бегемот с одним чёрным глазом, который пялится прямо на меня. А рядышком желтоватые и блестящие, как масло, спины его соседей.

– Я бы с радостью остановилась, бегемоты, чтобы поболтать с вами, – говорю я им, едва поспевая за мамой, – но меня мама торопит. Нам надо идти. До встречи!

Дальше нас с мамой ждёт ещё много интересного. Слева от нас появляются огромные башни, до этого они были спрятаны за деревьями, и я не видела их. Башни эти такие высокие и такие красивые, что захватывает дух. Очень умелые руки выложили на них ажурную мозаику. Белые завитушки и загогулины, похожие на кружевные буквы, только совершенно непонятные, тянутся по всей башне – снизу вверх или по кругу. То ли высокие и очень узкие дома, то ли башни, в которых живут принцессы, они покрыты гладкими, блестящими на ярком солнце, зелёными и синими кирпичиками. Вот бы мне таких ярких кирпичиков, да побольше! Я бы разукрасила ими наш скучный серо-жёлтый дом!

– Мама, посмотри, – зову я маму, – посмотри скорей!

– Да, Маруся, что там? – спрашивает мама, оглядываясь.

– Смотри, там башни, в которых живут прекрасные принцессы из сказки, – показываю я на сине-зелёных великанов.

– Нет, детка, – объясняет мама, – в этих башнях живут не принцессы. В них невозможно жить, потому что там одна сплошная лестница вверх.

– Как же так? – удивляюсь я. – А где же тогда живут принцессы? И зачем кому-то строить целую башню для одной лишь лестницы?

– Маруся, я рассказывала тебе уже об этом! Не помнишь?

– Нет, мамочка, совсем не помню, – расстраиваюсь я, что забыла такую интересную историю. – Расскажи ещё раз, пожалуйста! – прошу я маму, не в силах оторвать взгляд от блестящих полосок сине-зелёного, праздничного серпантина, закрученных снизу вверх по всей башне.

– Ну, хорошо! – улыбается мама. – Только с одним условием!

– Какое условие? – я уже заранее на всё согласна, только бы мама обязательно рассказала бы мне об этих удивительных башнях.

– Мы будет идти, а не стоять! – говорит мама. – Иначе, мы с тобой никогда не попадём на базар!

– Хорошо! – соглашаюсь я, сожалея, что надо идти, но плетусь за мамой, свернув шею влево и не отрываясь от башен.

– Каждый день, на эту башню, – начинает рассказ мама, – взбирается муэдзин. Это такой интересный человек, который обладает голосом необычайной силы. Он способен громко, нараспев, зазывать людей на молитву. Для того, чтобы все-все люди в городе слышали его, он должен взобраться на самую высокую точку в городе.

– Мамочка, но как ему не страшно? – восхищаюсь я смелостью голосистого человека.

– Наверное, сначала ему было очень страшно, – задумчиво отвечает мама, – но потом он привык. И теперь легко и непринуждённо взлетает по ступеням всё выше и выше...

– А ты так могла бы, мам? – мне очень интересно, отважилась бы мама забраться на такую высоченную башню.

– Нет, киса, я бы не смогла. Я высоты боюсь! – по секрету, шёпотом, сообщает мне мама.

– Мама, а кто же их построил? Люди? Или инопланетяне? – мне немножко хочется, чтобы башню построили именно инопланетяне – маленькие, вертлявые, ловкие человечки – и теперь я увидела бы их, рассматривая глазурированные кирпичики.

– Конечно, люди, Маруся! – смеётся мама. – Башня нужна не только для того, чтобы созывать людей на молитву. Давным-давно это была сторожевая сигнальная вышка. Если к городу подбирался неприятель, специальный человек, сидящий на башне, предупреждал людей, что крадётся враг, что нужно быть начеку и принимать меры. Чуть позже на ней

наказывали опасных преступников. Очень опасных! – мама очень серьёзно смотрит на меня. Наверное, думает, понимаю ли. Я всё понимаю. Хотя мне и страшно думать о том, что кого-то, наказав, заставили стоять в углу на этой башне, ми-на-ре-те⁵. Она такая высоченная!

– Жаль, конечно, что история не про принцесс, – вздыхаю я. – Про принцесс, которых потом спасёт прекрасный принц, было бы веселей и интересней.

– Мусечка, – ласково говорит мама, – думаю, принцесс просто пожалели. Решили не селить их в таких высоких башнях, чтобы они оттуда не упали. Давай, – продолжает мама, – в следующий раз пойдём на базар по другой улице и я обязательно покажу тебе башню, где, возможно, жила прекрасная принцесса. По крайней мере, мне рассказывали, что она там жила. Сидела у окошка, плела себе длинную косу или ткала шёлковый ковёр и глядела на улицу: где же принц, скоро ли появится! Хочешь, Марусь?

– Мама, конечно же, хочу! В следующий раз обязательно пройдем по той улице! Обещаешь? – уточняю я, на всякий случай.

– Обещаю! – весело говорит мама, целуя меня в макушку. Как замечательно, что у мамы снова хорошее настроение. Солнышко светит на нас, нежными утренними лучиками гладит по волосам. Сейчас солнышко – как маленький,

---

⁵ Минарет-круглая или квадратная башня в архитектуре ислама. С неё муэдзин призывает на молитву.

но спелый урюк⁶. Оно нежное, ласковое, мягкое, не обжигает. И, наверное, такое же сладкое, наполненное солнечным соком.

И, конечно же, мама выполняет обещание. В другой день, идя к базару, мы проходим по совсем узенькой улочке, на которой вдруг, вовсе уж неожиданно и даже совершенно некстати, вырастает башня. Совсем не такая высокая, как те, сине-зелёные, праздничные и яркие, что мы видели в прошлый раз. Совсем наоборот. Эта башенка, как наш дом, небольшая, приземистая. С небольшим окошечком сверху. Сделана башенка была из обычных кирпичей из жёлтой глины – такими же точно кирпичами завален сейчас угол нашего двора. Кто-то собирается строить домик – то ли для собаки, то ли для водопровода.

Крыша у башенки – что шляпа у звездочёта – вытянута треугольником вверх. А на крыше и стенах, то тут, то там, растёт самая настоящая трава. Как же она туда забралась? Кто её поливает там, наверху? Надо бы спросить у бабушки. Она много знает про растения. Даже больше, чем мама!

– Мамочка, а ты расскажешь мне про принцессу? – напоминаю я маме. Мы уже ходили вокруг башенки, потрогали её руками и даже нашли несколько травинок, что растут прямо из стены. Я решила, что эта башенка вполне подходит для принцессы – не очень высокая и совсем не страшно си-

---

⁶ Урюк-плоды абрикоса, высушенные с косточкой. Здесь: более мелкий плод абрикоса.

дочь в ней и глядеть на дорогу, думая: «Где же там принц?»»

– Да, Мусечка! Слушай! Жила-была принцесса! И звали её Юлдуз...

– А что значит Юлдуз? – тороплюсь я задать вопрос, пока мама не начала рассказывать самое интересное.

– Маруся, – строго говорит мама, – не перебивай меня.

– Ну, мам, один вопросик! Больше не буду!

– Юлдуз – означает «звезда», – отвечает мама. – Я продолжу?

– Да, конечно! Я слушаю, – заверяю я маму. – Только ты

расскажи мне сначала, как принцесса оказалась в башне?

– Её мать и отец-султан⁷, испугавшись страшного проклятия, что наложила на их царство злая ведьма – «Так будь же ты проклят! А дочь твоя сгинет в башне, не смея выходить из неё, иначе умрёт на месте! Спасёт её только любовь к неизвестному юноше, лица которого она даже видеть не сможет, но который, не видя её лица и не слыша голоса, попросит её руки! Но такого просто не может быть!» – спрятали свою единственную дочь в башне, за семью замками. Каждый из сорока волшебников, служивших при царском дворе, тщетно пытался снять ведьмино заклятие. Ничего не вышло. Тогда придворные волшебники заколдовали девушку и башню, чтобы, опутанная охранными чарами, принцесса в башне не была видна злой ведьме. И только чистая большая любовь могла бы освободить Юлдуз от заклятия злой ведьмы.

Была Юлдуз прекрасна, словно Солнце. Чёрные глаза сияли умом и добротой. Её иссиня-чёрные блестящие волосы были заплетены в 40 косичек! Каждый день Юлдуз распускала косы и принималась расчёсывать волосы, сидя у окна башни. Вдруг, в одно прекрасное солнечное утро, когда жаворонки уже начали петь свои чудесные песни, а роса бриллиантовыми каплями повисла на травинках, увидела Юлдуз молодого и очень красивого юношу. Одет он был бедно, одежда его поистрепалась от долгих странствий, обуви

---

⁷ Султан-титул правителя в исламских государствах.

не было вовсе, а ноги были покрыты дорожной пылью. В руках он держал небольшой узелок, в котором, наверное, лежал кусок чёрствой лепёшки.

– Юлдуз в него тут же влюбилась, правда, мам? – мне очень нравится, когда в сказках кто-нибудь в кого-нибудь влюбляется.

– Ну что ты, Маруся! – рассмеялась мама. – Трудно влюбиться в человека, который одет в лохмотья, покрыт пылью, и, вероятно, давно не мылся!

– Мама, ты сказала, что он был красивым! – напоминаю я маме. – Значит, Юлдуз в него сразу и влюбилась! – продолжаю я настаивать на своём.

– Маруся, это мы с тобой знаем, что он был красивый! И тот, кто придумал эту легенду – тоже знает. А Юлдуз не знала, – уточняет мама, – потому, что на голову он повязал старые тряпки, сделав какое-то подобие чалмы, чтобы спастись от жары. К тому же, Юлдуз сидела в высокой башне, видела только его макушку, – тут мама дотронулась пальцами до моей головы, – и никак не могла видеть его лица.

– Юлдуз, думаю, позвала его: «Эй, вы там! Парень! Ау!», – предположила я, – чтобы он поднял глаза, а она бы посмотрела на его лицо и тут же влюбилась!

– Ты дашь мне рассказать историю, – возмутилась мама, – или так и будешь перебивать, и говорить ерунду?

– Да, мамочка, дам! Я уже совсем молчу! Только рассказывай! – поторопилась я уговорить маму.

– Ну, хорошо! Так вот! Молодой человек был странствующим музыкантом, что зарабатывает на хлеб, играя на дойре⁸. Это, знаешь, такой большой бубен, на котором играют, как на барабане. То есть, не трясут его, а стучат по нему пальцами и ладонью. Этот юноша странствовал уже много лет и уже направлялся в свой родной край, когда услышал, как Султан его страны, где он не был очень давно, объявил: тот юноша, которого сможет полюбить моя дочь Юлдуз, станет её мужем и будет помогать мне править нашим султанатом. Но главное условие таково: никто не должен видеть Юлдуз и разговаривать с ней. Молодые люди – принцы, купцы, простолюдины – каждый мог попытаться счастья – должны были показывать принцессе Юлдуз свои умения. Смешить её. Рассказывать истории. Сражать наповал своей силой, храбростью и находчивостью. Она могла наблюдать за всем происходящим из специального очень маленького окошечка своей башни. Обычное окно, в которое она выглядывала каждое утро и вечер, заколотили крепко-накрепко на время проведения состязания. Чтобы никто из молодых людей не вздумал забраться на башню и похитить Юлдуз. Ведь башня – ты же помнишь – стала местом, где Юлдуз жила в безопасности. Стоило ей покинуть башню, как она тут же умерла бы от страшного заклятия злой ведьмы!

Много, очень много принцев, купцов и обычных юношей из простых семей, пришли к башне, где томилась в заточе-

---

⁸ Дойра-ударный музыкальный инструмент, типа бубна.

нии Юлдуз. Ах, какие ловкие, сильные, храбрые они были! Ах, какие невероятные испытания они преодолевали: ходили по канату, поднимали тяжести, устраивали рукопашные бои и весёлые танцы! Какие чудесные подарки мастерили собственными руками! Как скакали верхом! Как укрощали тигров и змей! Какие вкуснейшие лепёшки пекли!

День и ночь, ночь и день, ровно семь недель подряд, Юлдуз наблюдала за ловкостью, красотой и силой сотен юношей. Но ни один ей так и не приглянулся!

– Ой, как жаль, – я чуть не плачу от обиды за принцессу.

– Маруся, подожди, – говорит мама, – это только начало легенды. Потом было вот что: настал черёд того самого юноши, что пришёл утром под окно Юлдуз. Он вышел в круг, начерченный на земле перед башней, где юноши должны были показывать свои умения. Развернул узелок.

– Что там было, что? – тороплюсь я выяснить.

– Маруся! Ну-ка не перебивай, – сердится мама. – Там, в этом узелке, юноша, оказывается, хранил вовсе не чёрствую лепёшку, а бубен-дойру и нескольких кукол. Это были мягкие куклы, которые надевают на руку, как перчатки. У них даже есть название: Би-ба-бо⁹.

– Смешное какое название! – удивляюсь я и тут же замолкаю, вспомнив, что нельзя перебивать.

– Да, действительно, название смешное, – говорит мама. – Но еще смешнее были сказки, которые рассказывал юноша,

---

⁹ Бибабо-кукла, состоящая из головы и платья, в виде перчатки.

надев кукол на руки и шевеля ловко пальцами. Других кукол, тех, что не поместились на руки, он усадил в ряд точно зрителей. И сказки рассказывал будто бы для них. Юлдуз в тот момент даже почувствовала себя неловко – как будто она подсматривает за представлением, не купив на него билет. А юноша, не обращая ни на кого внимания, рассказывал разные сказки – грустные и весёлые, короткие и длинные – меняя кукол местами. В его руках они оживали. И так по-настоящему шевелили руками и головами, что становилось даже немного жутко – ведь они двигались, как живые, настоящие люди, из плоти и крови. Юлдуз хохотала и плакала, сердилась и негодовала с героями его сказок. Иногда юноша останавливал свой рассказ, чтобы сыграть на дойре, как бы подчеркнув драматичность или озорство в сказке. А потом юноша, рассказав последнюю сказку и отбив последнее трат-та на дойре, собрал все свои вещи обратно в узелок, развернулся и ушёл.

– Как ушёл? – не поверила я своим ушам. – Он же должен был жениться на Юлдуз, чтобы освободить её, а он взял и ушёл! – возмутилась я.

– Да, Мусечка! – улыбнулась мама. – Наверное, жениться на неизвестной девушке, лица которой он даже не видел – не входило в его планы. Или он решил подождать. Не знаю. А только исчез он еще до того, как стражники и Султан с женой, опомнились от смеха и слёз. Кинулись его искать, да куда там! Вся площадь перед башней была заполнена про-

столюдинами, которым тоже хотелось посмотреть на умелых и ловких юношей, один из которых может стать мужем Юлдуз и их будущим султаном. Юноша же просто растворился в толпе. Стражники побегали, конечно, искали. Но не нашли никого, кто мог бы, хоть отдалённо, напоминать того сказочника с узелком на плечах. Тогда Султан объявил награду тому, кто найдёт и приведёт юношу во дворец.

– А что за награда? – поспешила спросить я.

– Награда была немаленькой – три сундука золотом! – ответила мама.

– Ничего себе! Султану понравился сказочник? – я не могла понять, за что же дают три сундука с золотом.

– Сказочник понравился Юлдуз! – ответила мама. – Так понравился, что когда она узнала, что он исчез в толпе, загрустила, захандрила, перестала есть, отказывалась спать и даже наряжаться. А только сидела у окна, которое вновь для неё открыли, и вспоминала те сказки, которые юноша рассказывал. Сорок её косичек свисали из окна длинными верёвками. А поскольку сидела Юлдуз у окна очень долго, то косички вросли в камень башни так, что Юлдуз теперь даже головой пошевелить особо не могла. И всё ждала, ждала...

Тутовник

Да вы, голубчик, не стойте. В ногах правды нету. Присаживайтесь вот тут, рядышком. Слушайте. Вам точно хочется услышать продолжение? Если нет, вы скажите. Незачем слушать неинтересные истории – голову себе забивать. В мире так много занимательного, что просто некогда тратить время на занудных собеседников и скучные истории. Вам уже любопытно? Ну, хорошо!

Была у Адама одна диковинная особенность, привычка, что ли. Странная, для людей, но для меня даже приятная. Приходил он ко мне, здоровался, как с равным, как с человеком. Потом клал обе руки на ствол, прижимал их к моей коре, как будто даже обнимал меня. Прикладывался то ухом, то лбом и разговаривал. Про семью рассказывал, про жену и детей, про работу свою, про планы на будущее. Иногда будто бы советовался. Задаст какой-то вопрос и замолкает – прислушивается. Я сначала молча стоял – не понимал, что делать-то надо. А затем начал отвечать – листьями шелестеть, да ветками шуршать – в общем, как мог, так и отвечал. И, надо же, Адам, вроде как, понял меня. Глаза повеселели, головой закивал. Чаше стал приходить. Больше рассказывать. Про предков своих и про то, как дом этот строили всем миром. Про садоводство советов моих спрашивал – мол, как нам тут живётся, в чём нужда есть, чем лучше по-

ливать, влияет ли, на самом деле, Луна, стоит ли шершней истреблять или наоборот, оставить. И так далее. Много вопросов задавал. И слушал, слушал меня. А я, как мог, конечно, отвечал. Ничего не утаивал. Мне не жалко. Для хорошего человека – всё это только на пользу.

Девочка с мамой

– Несколько месяцев искали того юношу. Исколесили равнины и степи, истоптали пустыни и горы. И вот однажды, спустя долгих семь месяцев и сорок дней, нашёлся наш герой. И где бы ты думала? – спрашивает меня мама.

– Где, мама? Расскажи, пожалуйста, скорее! – прошу я маму, затаив дыхание.

– Под окнами Юлдуз! – озорно отвечает мама. Она, конечно, понимает, что я ужасно хочу узнать, что же случится дальше. Но тянет и тянет время. А мне так не терпится услышать уже счастливый конец истории. Я уверена, то есть, очень надеюсь, что он будет счастливым.

– Как же так, мам? – негодую я. – Ведь его там не было. Ах, он обманщик! Где же он прятался всё это время?

– А он и не прятался! Но однажды, ко дворцу подошёл мужчина, одетый в галабею¹⁰ и чалму. Он немного сутулился, и, вроде, даже прихрамывал. Платок закрывал его лицо до самых глаз. А тень от низко надвинутой чалмы падала на глаза и, казалось, что они впалые, как у старца. Он сообщил, что знает, где находится тот юноша, но готов рассказать это только самому султану. Его провели к султану, потому что тот приказал впускать к нему всякого, кто имеет хоть какие-то новости о том юноше.

---

¹⁰ Галабея-длинная мужская рубаха без ворота, с широкими рукавами.

Зашедший мужчина поклонился султану, приветствовал его витиеватыми речами, как было тогда положено: «О, мудрейший из султанов, о, величайший из великих...» и сказал, что готов выдать местоположение сказочника, но только требует обещанную награду – сундуки с золотом, сей же час. Только тогда, увидев у своих ног три сундука, наполненные золотыми монетами доверху, он расскажет всё, что знает. При этом он гарантировал надёжность информации.

Султану пришлось согласиться – очень уж ему было жаль свою дочь, которая исхудала, высохла почти, стала бледной и слабой. Косы её совсем вросли в камень – хоть на лысо девушку стриги. А всё от долгого ожидания и тоски по любимому. Приказал султан принести сундуки с золотом, проверить их, показать содержимое пришедшему и пообещать, что тот выйдет живым и здоровым из дворца. Сундуки поставили у ног мужчины.

Тогда мужчина в галабее, вытянулся во весь рост, одним ловким движением сорвал с себя галабею, чалму и платок. Все, кто находился в дворцовой зале, ахнули!

Ведь это был тот юноша, сказочник. Он предстал перед султаном прекрасным, хорошо одетым юношей. Сразу опустился на одно колено и попросил выдать за него Юлдуз, потому что любит-де он её сильно, прямо до невозможности. Первым желанием султана, конечно, было сразу же отрубить наглецу голову.

– За что же, мама? – возмущаюсь я. – Ведь он не сделал

ничего плохого! – заступаюсь я за принца.

– Как за что? – вопросом на вопрос отвечает мама. – Султан был возмущён тем, что юноша пропал прямо после представления больше, чем на семь месяцев. Ничего не сообщал о себе. Заставил его несчастную дочь, которая и без того была обделена светом и общением, страдать ещё больше. И знаешь, что выяснилось?

– Нет, мамочка. Что же? Говори скорей! – от нетерпения узнать, чем же закончится история, я не могу идти спокойно – подпрыгиваю, забегаю вперёд, перед мамой и дёргаю её за руку.

– Маруся, не трясى мою руку! Я всё скажу! Сдаюсь! – смеюсь, говорит мама. – Юноша поведал всем удивительную историю о том, что он сам является принцем. Но злой колдун, осерчав на его отца за жадность (а что и говорить, его отец был ещё тем скупердяем и пожалел копейки нищему, пнув его; тот упал в пыль, обратившись злым колдуном), наложил на него самого и его сына, вот этого самого юношу, заклятие. Оно звучало так: « Так будь же ты и весь твой род до седьмого колена бедняками! Так нуждайся же, что последний нищий, подбирающий гнилые фрукты на базаре! Твои земли будут разорены, а твои поля останутся без урожая. Твой сын станет скитаться и просить милостыню будто бичера¹¹, до тех пор, пока кто-нибудь не даст ему добровольно три сундука, набитых золотыми монетами! Только тогда заклятие моё рассе-

---

¹¹ Бичера- (астрах., сарат., перс.) -нищий, бедняк.

ется, словно дым и следа от него не останется! Но ведь такому не бывать никогда! Ха-ха-ха!»

– Кто это сказал ха-ха-ха? – спрашиваю я, недоумеваю. – И зачем?

– Не знаю, Маруся, зачем! – отвечает мама. – Это колдун сказал «Ха-ха». Просто все злодеи немного чокнутые, поэтому в сказке, после того, как они побеждают хороших, всегда раздаётся их зловещий смех.

– Понятно! Ну ладно, пусть смеётся! – разрешаю я. – Всё равно его скоро победят! Правда же? Что же было дальше?

– Дальше было вот что! Юноша, которого, кстати, звали Шерзод (что означает «Храброе сердце» или «Сын льва», что почти одно и то же), придумал, как перехитрить злодея. Произошло это после того, как он услышал о состязании за сердце Юлдуз. Он, как принц, знал, что султаны всегда назначают щедрое вознаграждение за то, что очень хотят найти или получить, но не могут или не знают как. К состязанию он прекрасно подготовился: понимал, что большинство юношей будут показывать свою силу, мужество или ловкость рук. Поэтому, пошёл от обратного. И, хоть он был способен победить любого из пришедших на состязание юношей, поскольку был силён и ловок, решил Шерзод сделать то, что от потенциальных женихов совсем никто не ожидал – рассказывать сказки, добавив к ним игру на дойре, которой он владел виртуозно. Долго он мотался по свету до этого состязания. Ведь колдун так и сказал: «Будешь скитаться и поби-

раться!» Зато это дало ему замечательную возможность наблюдать за людьми, слушать их истории, изучать образ их жизни. Там-то, среди людей, и рождались его замечательные сказки, основанные на реальных событиях, произошедших с настоящими людьми.

– А зачем же он исчез? – продолжаю недоумевать я.

– А исчез, он, Маруся, по двум причинам: первая – он отправился к отцу и матери, поскольку давно их не видел, а во дворце, ко всему прочему, требовалось сделать небольшой ремонт. Вторая причина – он прекрасно знал, что если у человека резко забрать то, что ему очень понравилось, человек начинает тосковать и скучать. А в случае с Юлдуз он понимал, что девушка, сидящая столько лет в замке, хочет повеселиться по-настоящему. Поэтому, повеселив и растрогав её своими сказками, тут же исчез, оставив Юлдуз скучать и тосковать по человеку совершенно ей незнакомому. Когда он появился во дворце и предстал перед султаном в галабее, случилось неожиданное: замок на двери башни сам собой раскрылся и отвалился, дверь приоткрылась, а косы Юлдуз, так намертво вросшие в камень башни, отпустили её. Осталось на стене башни лишь несколько волосков, которые впоследствии превратились в траву. Юлдуз вышла из башни и, сопровождаемая своими служанками, отправилась к отцу и матери. Там её уже ждал прекрасный юноша, принц Шерзод, который упав на колени во второй раз, спросил Юлдуз: «Ты выйдешь за меня?» Она, узнав его голос, тут же со-

гласилась. А чары злых волшебников, наложивших заклятие на Юлдуз и Шерзода, обратились против них самих, превратив злодеев в пыль. И жили Юлдуз и Шерзод долго и счастливо!

Я и не замечаю за разговорами, как мы подходим к воротам базара. Здесь так шумно, как будто не люди вокруг, а птицы. Много птиц. Целая стая галдящих и копошащихся птиц. Солнышко уже забралось повыше. Стало теплее и ярче. Лучики его выскакивают из самых неожиданных мест. Вот, один лучик проглядывает сквозь листья старого дуба, что растёт у самых ворот базара. Там удобно расположились торговцы фруктами. Сидят прямо на полу, скрестив ноги. Зовут нас! Дают попробовать вкусные персики!

Мама идёт дальше, по проходу, между прилавками, крепко держа меня за руку. С одной стороны красивые разноцветные горы яблок, слив и груш. Их так много и они такие яркие! Всегда удивляюсь, как взрослые могут спокойно проходить мимо них, не набрасываются, не скупают сразу всю гору? Вот вырасту, обязательно куплю себе много-много разных фруктов, привезу домой, расставлю такими вот горами на столе и буду любоваться! Красота! Иногда буду съедать один или два, чтобы червякам не досталось.

На земле стоят огромные тазы с инжиром, маленькие жёлтые солнышки, плоские и мягкие. Они покрыты большими зелёными листьями с бархатной спинкой. Инжир внутри весь засыпан малюсенькими чёрными косточками. Но они

не мешают, а приятно хрустят на зубах. Инжир – ну очень сладкий. Я бы съела, наверное, весь таз. Жаль, что мама покупает только четыре-пять штук. Одну инжирина маме всегда дарят для меня! Вот какая я полезная!

Здесь же, с этой стороны, аккуратные пирамиды помидоров и кучи огурцов. Огурцы и помидоры пахнут особенно. Салатом, водой и летом. Я подхожу к одной из розовых или красных пирамид и изо всех сил вдыхаю терпкий запах. И тут же тётя-продавец, весёлая хохотушка, в пёстром платке на высокой причёске, даёт мне небольшой, но упругий помидор. Я люблю помидоры с хвостиками. Этот – именно такой. Хвостик можно потереть пальцами и тогда вкусный запах, будто бы, вырвется наружу и будет летать вокруг, залетая мне прямо в нос.

Ещё я обожаю рассматривать гранаты. Думаю, какой-то джинн-чудак превратил свои рубины из пещеры в эти гранатовые ягодки. Не может быть, чтобы в природе просто так росли на дереве настоящие рубины. Они похожи на камень в мамином кольце – не гладкие, а как будто, спиленные с разных сторон. Но гранатовые ягодки ещё и ужасно хитрые. Они брызгаются бордовым соком, чуть надави на них. Такие неженки! Забавно зажать ягодку между большим и указательным пальцем и слегка надавить. В это время я представляю, что превратилась в великана – огромного и очень сильного. Он, как в сказке, может выдавливать из камней воду. Так, я выдавливаю бордовый сок из рубинов. Удивитель-

но, как в одной маленькой ягодке помещается столько сока. Кажется, положи одну ягоду в рот, надави и выльется сразу целый стакан!

Мы проходим мимо гранатов. Мы их никогда не покупаем – наш знакомый дядя приносит их нам со своего огорода. Странно, но такие огромные круглые и очень тяжёлые гранаты растут на худеньком деревце, которое вот-вот сломается, не выдержит их. Оно гнётся в разные стороны, качается, склоняется чуть не до самой земли, но мужественно держится. Ведь гранаты должны висеть на нём, пока не созреют, пока не станут совсем-совсем сладкими.

А на другой стороне! Ах! Там тысячи солнышек! Да какие чудесные! Какие разные! С рисунками и семечками кунжута! Пухлые, средние и совсем тоненькие! Мягкие и хрустящие! Их выпекали в специальной печке! Я всё время забываю название. Шепчу маме на ушко:

– Мама, где их пекли? Я опять забыла!

– В тандыре¹²! – также шёпотом, мне на ушко, отвечает мама. Мы с ней сейчас, как заговорщики, шепчемся, а никто нас не слышит!

– Можно я подойду к лепёшкам? – спрашиваю я, в надежде, что мама разрешит мне немножко прогуляться.

– Потерпи! – шепчет снова мама, – сейчас вместе пойдём!

И вот мы подходим к ним! Запах опережает нас и вреза-

---

¹² Тандыр-азиатская печь-жаровня из лёсса или глины, перемешанной с шерстью.

ется, как большой шмель, мне прямо в нос! Запах такой густой и вкусный, что, кажется, можно подышать им и уже будешь сыт!

Мама любит тонкие, хрустящие лепёшки. Они называются смешно: чап-чак¹³. Будто кто-то скачет по кочкам! Если успеешь принести такую лепёшку домой горячей, отломить кусок, разрезать его напополам, положить внутрь чуточку сливочного масла, или ложку каймака¹⁴, то счастье так и заливает всё вокруг! Мама знает, что я больше люблю толстые, белые лепёшки из тёртого теста и покупает мне одну. Она ещё ужасно горячая, как настоящее солнце. Это потому, что спала лепёшка под тёплым ватным одеялом, ожидая, когда я за ней приду! Дома я отломлю от неё толстый, неровный, ещё горячий кусок, разрежу пополам, намажу его маслом, и сверху немножечко мёда! Вот будет праздник! Вообще-то, мёд мне можно только одну ложку в день. И я делю её иногда на два-три раза. Поэтому, на лепёшку я намажу совсем чуть-чуть. Чтобы на вечер осталось!

А вот и прилавок с наватом. Пока мама отвлекается, вспомнив, что забыла купить помидоры, я бегу к знакомому дедушке.

Мы с ним подмигиваем друг другу, как будто давно знакомы. Потом подхожу к его прилавку, рассматриваю сладости. Это у нас вроде как игра такая. Каждый раз дедушка

---

¹³ Чап-чак-тонкие, хрустящие лепёшки.

¹⁴ Каймак- (тюрк.) густые сливки. Подают с лепёшками.

мне протягивает небольшой кусочек сладкого драгоценного кристалла. «Бери, кизим!» А мама и не замечает ничего. Она в это время торгуется с продавцом за свои помидоры. «Рах-мат!» - шепчу я ему. Теперь мы с ним настоящие заговорщики. У нас есть тайна!

Вообще-то, мама часто рассказывает бабушке, что со мной можно ходить на базар без кошелька. И, при этом, прийти домой с полной сумкой продуктов. Это потому, что меня всегда и все угощают.

– Вот, кизим, кушай яблочко! Бери сливу! На-грушу!

Правда, мама, почему-то, всегда ходит с кошельком. Наверное, стесняется.

Тутовник

Шелестим утром листьями, шепчем всем: «Просыпайтесь, сони!» Все спят ещё, а я шорохом даю понять: Пора вставать! Всем пора: и деревьям, и травам, и цветам.

Я здесь главный. А как вы думали? Да вы, милый мой, не робейте! Мне уже можно всё рассказать. И о хорошем и о плохом. Со мной все советуются. Понимаете, в моём возрасте все проблемы освещены под другим углом. Ответы на вопросы сами вылезают наружу. И начинаешь удивляться – как, мол, не понимал таких простых вещей в двадцать, тридцать лет. И собратья и люди делятся своими чаяниями и переживаниями. Вот яблонька новая, совсем молоденькая. Стоит поодаль от меня. Шагов тридцать. Увидели? Жарко ей бедняжке, с непривычки-то. А что поделать? Уччу её уму-разуму. Где-то нужно листики закрыть, чтобы сохранить немного утренней росы и прохлады, когда-то корни вытянуть поглубже в почву, поближе к влаге. Молодёжь! Что с них взять? Неопытные! Я-то здесь уже сто десятый год. Стою крепко, кормлю всех сладким тутовником, даю тень.

Помню, как появились здесь все мои соседи! Вот, опять же, яблоньки, к примеру. Выстроились в ряд, прямо напротив дома, по одной у шести дверей кладовок. Яблочки у них кислые пока. Их посадили у кладовок, нарочно, чтобы была тень тем, кто будет работать в кладовке. Или вон та

слива, что у дальней стены. Посадили её туда очень давно. Жёлтые, крупные, сочные плоды её высоко ценятся. Ребятне не разрешают рвать их раньше времени. Слива там совсем одна. Жаль её, бедняжку. Обещали посадить ей подружку, да забыли видно. Ветром передаю ей послание: «Скоро жара, сворачивай листочки, защищай плоды».

Дорос я уже до седин, мил человек. Стал дедом. А кто ж я в свои сто с лишним? Именно, что дед. Вот меня и слушают все, как мудрого старца. Малышка часто бегает рядом, топчется около меня, ладошками обнимает, прижимается к моей жёсткой и морщинистой коре то одной щёчкой, то другой, гладит ветки и листочки. Говорит, что я шершавый, колючий. Часто в последний год прибегает. На днях вот, пришла, грабельками землю покопала, потопталась рядом, потом посидела. Прижалась ко мне, ручками обхватила и говорит, печально так:

– Ты не знаешь, почему меня мама больше не любит?

– Что ты! Что ты! – удивляюсь я. – Любит, – шепчу ей листьями, – любит!

– Не играет со мной, песенки не поёт! Почему?

– Грустит, мама, грустит! – отвечаю я шорохом веточек.

– Как же мне мамочку развеселишь? – малышка крепко обнимает меня, обхватывает ручками.

– Время, – шевелю я ветвями, успокаиваю девочку, – только время поможет. Сгладит рану. Высушит слёзы. Оживит чувства. Откроет душу.

– Что же мне делать? – плачет девочка.

– Ждать, маленькая моя, – шелестом баюкаю её, – только ждать. Скоро, совсем уже скоро.

Жаль малышку, грущу вместе с ней. Хорошо знаю её семью. Это и моя семья. Такое горе случилось, такое горе...

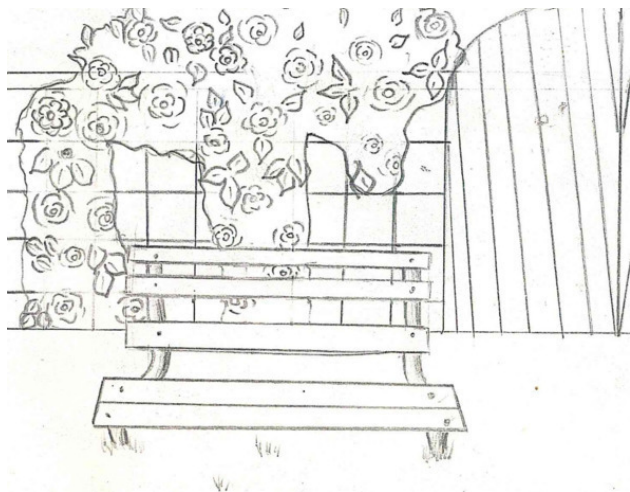
Раннее утро. Попозже

Девочка

Как всегда, сразу же, после завтрака я вышла во двор. Ласковое солнышко встречает меня радостно. Сверкает лучиками сквозь ветки. Лучики, они как маленькие детки, наперегонки стараются дотянуться до моих глаз и носа. Лучики-добрые! Не обжигают лицо, а осторожненько греют. Солнышко сейчас похоже на омлет – светло-жёлтое, круглое и, кажется, такое же вкусное! Когда я выхожу, сразу у подъезда говорю всем: «Просыпайтесь, ленивые лежебоки! Хватит спать! Будем играть и веселиться!»

У меня во дворе есть любимая скамейка. Она стоит прямо под окном нашей кухни. Ну такая удобная, такая замечательная скамейка. На ней и посидеть и полежать можно. Я часто раскладываю своих кукол на скамейке, и мы начинаем играть в дочки-матери. Во дворе играть интереснее, чем дома. Я рассадила девочек, поставила перед ними тарелочки. У меня есть целый сервиз: там и тарелочки, и чашечки, и ложки с вилками и ножами, и чайник есть, и молочник. В общем, всё-всё. Чем же мне их покормить сегодня, думаю я. За скамейкой у нас клумба, на которой растёт много красивых цветов. Вообще-то, с клумбы рвать ничего нельзя. Ну,

так я и не буду. Я просто собрала те лепестки – роз и ночных красавиц – что упали ночью на землю. Из них я сделаю девочкам салат. Они терпеливо ждут, не плачут. К салату нужно обязательно добавить фиолетовую сливу. Она растёт тут же, недалеко от скамейки. Её я тоже нарезаю мелкими кусочками и добавляю в мой утренний салатик. Раздаю всем вилки-ложки, кому как удобнее. И девочки начинают завтракать. Самым маленьким я помогаю. Кормлю из ложечки и приговариваю:

– Летит самолётик, прямо Ире в ротик!

После завтрака мы играем в прятки. Это моя любимая игра. Кто-нибудь из девочек прячется, остальные, в том числе

и я, ищем. Поиграли немножко и хватит. Пора спать. Скамейка не очень широкая, но места хватит всем. Я раскладываю кукол в два ряда. Укрываю тёплым вязаным пледом – всё же утро, прохладно. Тем более, спящему всегда чуточку холодно. Я всё время во сне мёрзну. Куклы хотят, чтобы я полежала с ними рядом и рассказала сказку. Ложусь на скамейку, гляжу в небо. По небу плывут лёгкие и пушистые облака. Такие белые, такие воздушные. Так и хочется занырнуть в них или попрыгать, как на мягкой кровати. Я рассказываю куклам сказку про курочку-Рябу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.